

Есть в жизни всех людей порядок общий,
Таящий объяснение прошлых дней.
Его поняв, легко почти наверно
Предсказывать течение событий.

Шекспир. Генрих IV. Часть I

ОТ АВТОРА

Есть хорошая латинская поговорка «Nabent sua fata libelli», то есть «Книги имеют свою судьбу». Так вот, эта самая «fata» нашего «Наследника из Калькутты» началась, нам кажется, еще до рождения его как книги.

Работа над романом началась в экспедиционно-полевой обстановке, когда мы двигались по зимней заполярной тайге с первыми строительными партиями, следом за изыскателями. Каждый грамм поклажи означал лишний расход сил, поэтому беллетристических книг брали с собой очень мало. Тем острее наш первоначально маленький коллектив испытывал потребность во всех средствах культурного отдыха, хотя часы этого отдыха на первых порах были, конечно, недолгими.

Среди рабочих первых изыскательских и строительных партий было много смелой и веселой комсомольской молодежи. После напряженного трудового дня молодежь собиралась «у огонька», пела песни и читала взятые с собою книжки. Они были быстро прочитаны, новых поступлений пока ждать не приходилось, и наш «кружок у костра» стал, так сказать, ареной проявления всех самодеятельных талантов.

Автору часто вспоминался в те годы биографический анекдот, рассказанный датским писателем Мартином Андерсеном Нексе в одной из его задушевных бесед

с московскими литераторами. Бредя по следам Дон-Кихота сухими долинами и плоскогорьями Ламанча, писатель однажды заночевал в бедной таверне. На вопрос проголодавшегося гостя, можно ли здесь что-нибудь съесть, остроумный хозяин таверны отвечал: «Разумеется, все, что угодно, синьор, от русской икры до афинских лангустов, но при условии, если вы... сами принесете это с собой!»

Наш коллектив принес с собой в Заполярье чувство товарищества, комсомольский задор, привычку разумно тратить золотое время как на работе, так и на отдыхе. Для людей старшего поколения было радостно наблюдать, что потребность в знаниях, тяга к культуре стала такой же естественной для советского юноши или девушки, как сон или еда. Это одинаково относилось к русским, ненецким, эвенкийским комсомольцам, к пионерам коми или саха. Пытливые молодые умы этих юношей и девушек стремились проникнуть и в тайны вещества, и в тонкости геодезической науки, в повадки птиц и животных, в наслоения геологических пластов, в производственные приемы бурового мастера и литературный стиль прочитанного автора. Возникали горячие, интересные споры, дискуссии, беседы.

И вот однажды зашла речь о том, как же раньше, в другие времена, в других странах, осваивались новые земли, как возникали поселения людей, приходивших из-за моря на другие материки, кто были эти люди, как они вели себя в чужих лесах и снегах, какие цели ставили перед собою. Вот тогда-то и возник замысел романа, ибо готовой литературы, освещающей эту тему, не оказалось.

Автор по возрасту принадлежал к старшим членам описанного дружного коллектива. Вместе с технической специальностью геодезиста автор принес с собой в этот коллектив некоторый литературный опыт, любовь к исторической теме, острую ненависть к живучему мифу о «добром старом времени» капитализма. И он решил по-

пробовать свои силы на поприще устного «самодеятельного» творчества в качестве романиста-рассказчика у костра. Ведь можно же, думалось ему, занимательно рассказать слушателям о поздней поре так называемой эпохи первоначального накопления, так опоэтизированной классиками приключенческой литературы, рассказать о ней с позиций советского мировоззрения.

Повествование слушалось у костров, в палатках и бараках с неослабеваемым интересом. И вот, учитывая, что любая аудитория рассказчика все же поневоле ограничена, автор решил взяться за перо, чтобы превратить свой устный роман в книгу.

В распоряжении автора сначала не было ничего, кроме того, что могла предоставить зимняя заполярная тайга. Первые две части этого романа были написаны без взгляда на карту мира, без возможности заглянуть в элементарный справочник, энциклопедию, словарь. Лишь впоследствии, когда писалась уже третья часть, к нам, по фронтовому выражению, «подтянули тылы» и стали поступать книги, журналы, фильмы и некоторые справочники. Черновик романа писался на крошечных листках почтовой бумаги. Двигаясь дальше, мы несли его по очереди вместе с геодезическими инструментами и техническими документами. «Заболел» романом и напористый бухгалтер В. П. Василевский. Он организовал первое таежное «издание» романа. По его инициативе группа энтузиастов из числа бухгалтеров стройки самоотверженно переписала роман, украсила виньетками и рисунками, переплела в синюю материю и превратила в подобие рукописной книги. Эти три толстых синих тома упаковывали в рюкзаки и несли на плечах вглубь тайги и болотистой тундры. Коллектив рос, но продолжал интересоваться романом, критиковал его, высказывал пожелания, вносил поправки.

Писался роман в «походном порядке», часто при свечах или светильнике той конструкции, которая получила у нас название «зов предков», но работалось автору

легко и радостно, в атмосфере дружбы и поддержки. Эта товарищеская шутивая и дружеская атмосфера вообще чрезвычайно характерна для малых и больших коллективов советских людей, выполняющих задания партии и правительства на боевых участках новостроек, в экспедициях и изысканиях, на кораблях и в новых совхозах — словом, на любых плацдармах «переднего края» пятилеток.

...Уже несколько лет прошло со времени наших заполярных зимовок. Сейчас там горят огни электростанций, движутся поезда, дымят заводские трубы, люди живут в благоустроенных домах. Приезжаешь — и самому не верится, что не так-то давно здесь, на месте этого цеха или дома, сидели мы в палатке, при коптилке, и, покончив с нивелировочными журналами и ужином, брались за главы «Наследника из Калькутты»...

Автор выбрал для романа необычайно противоречивую, бурную пору конца XVIII века, когда на общественном горизонте вечерняя заря эпохи первоначального накопления встречалась с утренней зарей современного капитализма. В качестве фона для развития фабулы лучше всего подошла Англия — классическая страна поднимавшегося тогда капитализма. Автор стремился показать прогрессивную борьбу ее колоний за независимость и в то же время жестокость колониального режима там, куда проникал молодой капитализм. Совсем не приходилось заботиться о том, чтобы содержание улеглось в некую готовую схему, а нужно было только беспристрастно выбирать исторический материал и добавлять к нему, перефразируя меткое выражение Достоевского, «немного вымысла ради правдоподобия». Герои повествования как-то сами собою начинали свою литературную жизнь, и эта их самостоятельная «жизнь» лишний раз подтверждала слушателям и самому автору всю глубину и правоту марксистского анализа общественного развития.

Там, на далекой северной новостройке, закончилась, так сказать, «полевая» работа над книжкой, а по возвращении в культурные центры началась ее «камеральная» обработка. В романе уточнились даты, произошли некоторые изменения в его этнографии и географии, исчезли некоторые эпизоды, появились новые, но в целом роман сохранился таким, каким он родился в Заполярье и каким его теперь перечтут и узнают как старого товарища заполярных вечеров те, для кого он сочинялся и писался. Автор и его первые слушатели давно мечтали, чтобы к этой аудитории присоединились и наши близкие соседи — полярники, наши старые друзья — водители катеров и самолетов, трактористы и шоферы, прорабы и мастера последующих новостроек, новые рабочие-строители, все те, кто и теперь, после нас, слушает пургу, прокладывает дороги в тайге, рвет скалы аммоналом, подвешивает провода связи по столбам свежих лесных просек и выстрелами отгоняет медведей от кладовок с припасами.

Вам всем, дорогие товарищи, а также вам, юные читатели, кто еще только готовится к этим специальностям, автор от всей души посвящает эту книжку. Зная ваши пожелания от вас самих и вполне разделяя ваши литературные вкусы, автор постарался исключить из повествования тот элемент, который несовместим с замечательной трудовой жизнью и с веселыми часами вашего трудового отдыха. Элемент этот — книжная скука, порождаемая иными слишком уж гладко причесанными и назойливо-нравоучительными сочинениями. В этом романе, наверное, найдется что покритиковать, но автор твердо надеется на то, что скука не будет терзать вас при чтении «Наследника», как не досаждала она и тем, кто знал его в первоначальном «таежном» варианте, в виде трех толстых синих томов, исписанных убористым бухгалтерским почерком...

Автор горячо приветствует каждого своего нового читателя и будет с нетерпением ждать его взыскательно-

го слова. Но тем, кто еще помнит это повествование у заполярных костров, автор особенно крепко жмет руки в меховых варежках и опять говорит, как не раз бывало: «Вот мы и снова вместе, друзья! Дайте местечко у огонька вашему романисту!»

Р. Штильмарк

Вступление

Джентльмен и слуга

Два человека осторожно шли каменистой тропой к небольшой бухте между скалами. Высокий горбоносый джентльмен в темно-зеленом плаще и треугольной шляпе шагал впереди. Из-под шляпы блестела серебром косица парика, туго перехваченная черной лентой, чтобы не растрепал ветер. Морские сапоги с поднятыми отворотами не мешали упругой поступи человека. Эту походку выработывал не паркет гостиных, а шаткий настил корабельной палубы.

Спутник человека в плаще, красивый юноша в кафтане грума, нес за ним подзорную трубу в черном футляре и охотничье ружье. Ствол ружья был из лучшей стали — «букетного дамаска»; гладко отполированный приклад украшали перламутровые инкрустации. Ремня и даже ременных ушек — антабок — у этого ружья не имелось: владельцу не было нужды таскать свое охотничье снаряжение на собственных плечах — он не выходил на охоту без оруженосца.

Полукружие открытой бухты окаймляли серые гранитные утесы. Рыбаки прозвали ее бухтой Старого Короля: зубчатая вершина срединного утеса напоминала корону. Над серо-зеленой, пахнувшей йодом водой низко носились чайки. Утро выдалось пасмурное, накрапывал дождь. Летом такая погода была обычной здесь, в Северной Англии, на побережье Ирландского моря.

Первый выстрел отозвался эхом в пустынных скалах. Потревоженная стая чаек взмыла ввысь и с пронзитель-

но-резкими криками разлетелась врассыпную. Отдельными маленькими стайками птицы понеслись к соседним утесам и там, на другой стороне бухты, вновь стали снижаться. Джентльмен, очевидно, промахнулся: ни одна подстреленная птица не трепетала на вспененной воде.

— Ружье перезаряжено, ваша милость! — Молоденький грум протянул своему хозяину ружье, готовое к новому выстрелу; стрелок и его спутник уже достигли вершины невысокого утеса и смотрели вниз. — Птицы сейчас успокоятся и опять слетятся.

— Охота не бывает для меня удачной, если я промахнулся с первого выстрела, — отвечал джентльмен. — Пожалуй, наша прогулка нынче вообще бесполезна: ни одного паруса не видно на горизонте. Вероятно, и наш «Орион» отстает где-нибудь на якоре. Но все же я побуду здесь, послезу за горизонтом. Оставь ружье у себя, Антони. Поддай подзорную трубу и подожди меня внизу, у лошадей.

Грум вручил господину футиляр с раздвижной трубой и стал спускаться на тропу. Шорох осыпающихся из-под его ног камешков и шелест кустарника вскоре стихли внизу. Джентльмен остался на утесе один.

Под скалами беспокойно ворочалось море. Туча с океана, медлительно разрастаясь, кутала изломы побережья. Очертания дальних мысов и мелких островов постепенно скрывались в полосе дождя и тумана. Из-под этой низкой пелены возникали ряды бурых морских валов; берег раскрывал им навстречу каменные объятия заливов и бухт. Неторопливо взмахивая косматыми гривами, волны таранили подножие утеса.

Стоявшему на вершине человеку с подзорной трубой казалось, что сам утес, словно корабль, движется навстречу океанским валам, рассекая их каменной грудью, как форштевень судна. Порывы ветра рассеивали в воздухе тончайшую пыль соленых брызг, и она оседала на его жестких курчавых бакенбардах. Не отрываясь глядел он на прибой и считал «девятые» валы, самые крупные и гривастые.

Разбившись об утес, волна откатывалась и до тех пор волочила за собою назад, в море, валуны и гравий, пока

новый кипящий вал не подхватывал эти камни, чтобы опять швырнуть их к подножию скалы...

Мысли человека уже далеки от этой бухты, от серых утесов и чаек с пронзительными голосами; ничего не различает он вокруг, кроме сердитых косматых гребней. Под ним уже не скала! Ему вспоминается давно погибший корабль...

Снова, как встарь, стоит он, широко расставив ноги, у бушприта накренившегося, словно летящего по волнам судна. Ветер свистит в снастях, наполняя чуть зарифленные паруса... Воды теплого моря фосфоресцируют за бортом. Над мачтами, среди глубокой черноты ночного неба, он видит не трехзвездный пояс Ориона, а мерцающее золото Южного Креста. Он верил всегда, что среди светил этих двух красивейших созвездий северного и южного небосвода находится и его счастливая звезда, звезда его удачи!

Все дальше и дальше от английских берегов уносит человека призрачный корабль его воспоминаний...

* * *

...Третий месяц шхуна находится в плавании. После нескольких коротких остановок в незначительных портах и укромных бухтах западного побережья Африки шхуна обогнула мыс Доброй Надежды и, посетив южную часть Мадагаскара, углубилась в воды Индийского океана.

Капитан шхуны, одноглазый испанец Бернардито Луис эль Горра, набрал добрых молодцов для дальнего рейса. Сорок шесть матросов, татуированных с ног до головы, понюхавших пороху и знающих толк в погоде; старик-боцман, прозванный за свирепость Бобом Акулой; помощник капитана Джакомо Грелли, заслуживший в абордажных схватках кличку Леопард Грелли, и, наконец, сам Бернардито, Одноглазый Дьявол, — таков был экипаж «Черной стрелы».

Уже больше двух недель прошло с того раннего утра, когда скалистое побережье с Игольным мысом¹, где в го-

---

¹ Мыс Игольный — самая южная оконечность Африканского материка.

лубой беспредельности вечно спорят друг с другом воды двух океанов, растаяло на юго-западе за кормой шхуны, но еще ни одно неохраняемое торговое судно не повстречалось со шхуной в просторах Индийского океана.

— Кровь и гром! — ругался на баке Рыжий Пью, отшвырнув на палубу оловянную кружку. — Какого, спрашивается, дьявола затащил нас Бернардито на своей посудине в эту акулью преисподнюю? Испанские дублоны звенят, по-моему, не хуже, чем индийские рупии!

— Вот уже третий месяц я плаваю с вами, но еще ни один фартинг не западал за подкладку моих карманов! — подхватил собеседник Рыжего Пью, тощий верзила с золотой серьгой в ухе, прозванный командой Джекобом Скелетом. — Где же они, эти веселые желтые кружочки и красивые радужные бумажки? С чем я появлюсь в таверне «Соленый пудель», где сам Господь Бог получает свой пунш только за наличные? Я спрашиваю, где наша звонкая радость?

День близился к концу. Солнце стояло еще высоко, но скрывалось в туманном мареве. С утра капитан уменьшил порции воды и вина, выдаваемые команде. Томимые жаждой матросы работали вяло и хмуро. Влажный горячий воздух расслаблял людей. Легкий бриз от берегов Мадагаскара наполнял паруса, но это дуновение было таким теплым, что и оно не освежало разгоряченных лиц и тел.

— Сядем, Джекоб. Здесь, под шлюпкой, прохладнее. Через полчаса начинается наша вахта, а горло сухое, точно я изжевал и проглотил Библию. Топор и виселица! Когда Черный Вудро был нашим боцманом, у него всегда находилась для меня лишняя пинта сухого арагонского.

— Поттише, Пью! Говорят, капитан не любит, когда поминают Вудро или Джузеппе.

— Здесь нас никто не слышит.

— Скажи мне, Пью, верно ли толкуют ребята, что Вудро и Джузеппе протянули лапу за кожаным мешком Бернардито?

Рыжий Пью размазал жирной ладонью капли пота на медном лбу.

— Если бы эти старые волки остались в нашей стае, мы сейчас не болтались бы в этой индийской лоханке, как сухая пробка, и ни в чем не терпели бы нужды. Но, Джекоб, насчет кожаного мешка Бернардито я советую тебе до поры до времени помалкивать. У Бернардито длинные руки, и он умеет быстро спускать курок... Я-то больше года хожу на «Стреле» и видел этот мешок своими глазами, но разрази меня гром, если я сболтну о нем хоть словечко! А между тем я даже смотрел однажды в окно капитанской каюты, когда Одноглазый развязывал свой мешок...

Дуновение ветра качнуло шхуну, и в борт сильнее плеснула волна. Рыжий Пью умолк и огляделся вокруг.

— Послушай, Пью, вчера вечером Леопард Грелли, помощник капитана, позвал меня потолковать кое о чем, — тихо сказал Джекоб. — Сдается мне, что и он недолюбливает Одноглазого. Грелли говорит, что Вудро и Джузеппе были настоящими парнями... Расскажи-ка мне, Пью, за что Бернардито высадил их на берег?

— В точности этого не знает никто, но кое-что я тебе открою. Только смотри держи язык за зубами, не то и Леопард не поможет: пошлет нас Бернардито на дно к индийскому черту да еще, пожалуй, рты позашивает! Одноглазый не знает пощады!

— Пусть мне придется всю жизнь пить козье молоко вместо джина, если я проболтаюсь!

— Так вот, Джекоб, перед началом этого рейса наша «Стрела» угодила в облаву...

— Об этом я слышал. Ребята хвастают, будто «Стрела» подралась чуть ли не с целой эскадрой.

— Что? Хвастают? Ну, Скелет, ты, видно, еще не знаешь Одноглазого! Правда, с ним надо всегда держать ухо востро, потому что он и спит с пальцем на собачке, но уж моряк он — какого не сыщешь ни в одном королевском флоте, клянусь утробой!

— Отчего ж вы удрали?

— Отчего удрали? Хотел бы я посмотреть, как вот такой храбрец вроде тебя, Джекоб, подрался бы на нашей посудине с британским фрегатом и французским двух-

палубным бригам! Эх и славное было дело! Только туман нас тогда и выручил. С дыркой в корме мы все-таки убрались от француза в узкую каталонскую бухту... Бернардито славно одурачил всех гончих собак от Крита до Гибралтара! Две недели они искали нас старательнее, чем трезвый матрос перед прилавком ищет затерявшийся в карманах пенс, но в зубах у них Одноглазый оставил только выдранный клочок шерсти да еще напоследок выдержал бой в проклятой бухте со сторожевым испанским корветом.

Воспоминания вызвали у Рыжего Пью прилив гордости. Повествуя, он размахивал руками перед лицом Джекоба. Тот невозмутимо сопел трубкой. Рассказчик заложил за щеку порцию жевательного табаку с бетелем¹ и продолжал:

— Вот тогда капитан и надумал совсем покинуть доброе Средиземное море и идти сюда, в индийские воды. А штурман Джузеппе Лорано и боцман Вудро Крейг не соглашались. Бернардито готовился ночью проскочить Гибралтар, а Вудро и Джузеппе стали подговаривать команду против него. У нас на шхуне было чем поживиться! В трюмах лежала неплохая добыча с греческого судна... И вот, когда «Стрела» бросила якорь в каталонской бухте и мы начали штопать корму, Бернардито собрал нас всех ночью на юте и сказал: «Добычу делить не будем!»

— И с таким капитаном ты ходишь больше года! Сакраменто! Да я бы...

— погоди ты, храбрец! Капитан сказал, что товар нужно продать в Португалии, на эти деньги подлатать шхуну, купить припасы и оснастить «Стрелу» в дальний рейс.

— Ну а вы что же?

— Да, видишь, спорить с ним открыто еще никто не пробовал. Но в ту ночь Джузеппе Лорано и Черный Вудро задумали прикончить его тайком. А штурвальный Фернандо Диас, которого Бернардито когда-то спас от виселицы, раскрыл капитану их заговор. Бернардито хотел

---

¹ *Бетель* — ост-индское перечное растение. Его листья, пряного вкуса, жуют.

зарезать обоих, но ему помешал помощник Леопард Грелли. Полночь уже близилась, а главари все еще бранились в капитанской каюте. Тут-то неожиданно и подкрался этот испанский сторожевой корвет. Началась жаркая потасовка при свете факелов...

— Испанец атаковал вас с кормы?

— Да, и капитан послал Вудро и Джузеппе в самую кашу, защищать кормовую брешь; он приказал Фернандо Диасу не спускать глаз с обоих, а к штурвалу поставил меня вместо Фернандо. Драка была волчья! Не скоро забудут испанцы «Черную стрелу»!.. Мы выскочили из бухты, но Вудро оторвало обе ступни, Джузеппе продырявило бок, а Фернандо заработал две раны. Меня тоже порядком оглушило залпом картечи.

— Эх, меня тогда не было с вами!.. Так чем же кончилось дело с теми двумя?

— Чем кончилось? Шли мы в темноте. До рассвета осталось немного, а нужно было еще проскочить форты Гибралтара и сторожевые суда. На борту было четверо раненых: Вудро, Джузеппе, Фернандо и еще мулат Энрико Рой. Капитан решил высадить раненых на берег, потому что на судне они все погибли бы: наш лекарь еще в прошлом бою достался рыбам. Леопард хотел выделить раненым их долю добычи, но капитан в этом отказал.

— Да будь я мертвецом — и то спросил бы с него свою долю!

— Возможно, с мертвецом он был бы сговорчивее, но живым отказал. Впрочем, среди раненых в сознании были только Фернандо и мулат Энрико. Джузеппе Лорано и Вудро Крейг лежали без памяти. Бернардито велел отнести раненого Фернандо Диаса к себе в каюту, вон в ту, около рубки, видишь? Ветер приподнял занавеску в окне каюты, и я видел, как Одноглазый высыпал из мешка алмазы в замшевых футлярах, выбрал самый большой и один поменьше и дал их Диасу. Я слышал, как Бернардито сказал: «Вот этот голубой алмаз с желтым пятнышком отвези в Грецию моей матери, чтобы она не терпела нужды, если я погибну, а второй камень возьми себе, Фернандо, и делай с ним что хочешь!» Потом всех

троих снесли в шлюпку, на весла сел мулат Энрико Рой, у него рана была не тяжела...

— Постой! Энрико Рой был, как говорят, дружком Леопарда?

— Грелли держал его при себе вместо слуги, что ли. Он был обжора и лентяй, этот Энрико, скажу я тебе. Так вот, Грелли пошептался с ним, пока Одноглазый толковал с Фернандо, дал мулату пригоршню монет, и в крошечной тьме шлюпка пошла к испанскому берегу. Спаслись раненые или погибли, никто не знает. А нам повезло: утром, в тумане, шхуна проскочила пролив. Потом мы скрывались у берегов Португалии, чинились на Азорских, снаряжались в поход на марокканском побережье, где ты перебрался к нам с турецкой посудыны, и вот плаваем третий месяц, а что толку?

Стайка летучих рыб пронеслась на круглых, похожих на кружевные воротнички, крылышках над морской зыбью и с плеском снова погрузилась в пучину.

— Гроб и падал! Смотри, Джекоб: вон его одноглазая светлость высунулся из каюты. Лихорадка свалила его с ног. Он пожелтел, как луидор, и сутками валяется на койке, пока мы до крови натираем себе ладони снастями. Того и гляди, сам дождетя холщового мешка и груза на грудь, а продолжает упрячиться, дьявол, не хочет уходить из этих проклятых вод, где зной — как в кузнечном горне... Но что это на горизонте? Ад и дьявол! Да там пожар!

В ту же минуту крик дозорного: «Пожар на горизонте, слева по корме!» — поднял на ноги всю команду. Полуголые, разукрашенные диковинными татуировками на руках и груди, в невообразимых головных уборах из обрывков материи, пальмовых листьев и даже из книжных страниц с библейскими текстами, матросы «Черной стрелы» высыпали на палубу.

На командном мостике показался Леопард Грелли с подзорной трубой. Лишь одного капитана Бернардито тропическая лихорадка приковала к его висячей койке. Временами, почти теряя сознание от внутреннего жара, он, захлебываясь, глотал холодную воду, а через четверть

часа содрогался от озноба, выстукивал зубами и с головой укутывался в шерстяные одеяла.

Леопард подал команду, и матросы, подгоняемые свистом боцмана, бросились к снастям. Шхуна, разворачиваясь под парусами, ложилась на обратный курс. Когда маневр поворота был закончен, шхуна двинулась короткими галсами к огню на горизонте и вскоре заметно приблизилась к месту пожара. Между тем над горизонтом росла черная туча, а столбик барометра в каюте капитана упал так низко, как Леопарду Грелли еще никогда не случалось видеть. Ветер стих, и паруса шхуны беспомощно обвисли. В быстро сгустившихся сумерках отчетливо и зловеще полыхал вдали пожар. Не один, а целых три гигантских костра поднимали к небу почти отвесные столбы пламени, искр и дыма. Очевидно, горели корабли недавно встреченного каравана.

Вскоре команда «Черной стрелы» отчетливо разглядела на фоне зарева два корабля, отделившихся, по-видимому, от каравана и развернувшихся навстречу шхуне. Ближайший из них, небольшая бригантина, находился от шхуны всего в пяти-шести кабельтовых¹. Другой корабль, с оснасткой военного корвета, виднелся в полумиле² позади первого.

Даже издали было заметно, что мачты корвета³ повреждены в бою, а паруса бригантины изодраны и потрепаны. В тишине вечера доносился глухой гром артиллерийской канонады. Наступивший предгрозово-й штиль

---

¹ *Кабельтов* — морская мера длины: 185,2 метра.

² *Морская миля* — 1852 метра.

³ О типах парусных кораблей, встречающихся в романе, можно найти сведения в морском словаре Лукашевича. Кратко: *бриг* — двухмачтовое судно, торговое или военное; военный бриг вооружен двадцатью—тридцатью пушками; *шхуна* — торговое судно с числом мачт от двух до пяти, с косой парусной оснасткой; *фрегат* — быстроходный, обычно трехмачтовый боевой корабль, на один класс ниже линейных кораблей; *корвет* — небольшой трехмачтовый корабль с хорошей маневренностью, служил обычно для крейсерских целей и связи; *каравелла* — небольшое судно, тип которого менялся с развитием парусного флота; *бригантина* — обычно двухмачтовое небольшое судно, часто употреблялось средиземноморскими пиратами.

заставил оба пострадавших судна, так же как и шхуну Бернардито, лечь в мертвый дрейф. Далекое зарево отбрасывало неподвижные черные тени трех кораблей на поверхность океана, а на луну уже надвинулась грозовая туча.

— Леопард чует добычу! — шепнул Пью своему другу-ку Джекобу. — Будь я проклят, если он не ухитрится найти поживу и в чужой драке. Готовься к делу, старый кашалот! Наконец-то мы дождались настоящей работы!

Капитан Бернардито Луис эль Горра был опытным, отчаянно храбрым и беспощадно жестоким в бою пиратом. Быть может, во времена Кортеса или Писарро он вписал бы свое имя в кровавые страницы истории завоевания Мексики, Бразилии или Перу, но он родился в том веке, когда белые пятна на глобусе исчезали с быстротой тающего весной снега, а ост-индские, южноафриканские и прочие торговые компании, утвердив свою власть над захваченными заокеанскими владениями, разбойничали в них под сенью государственных законов своих стран.

Бернардито нашел, что превращение крови и пота колониальных рабов в золото — дело кляузное и не очень почтенное. Прибыльнее и проще извлекать это золото непосредственно из купеческих карманов! Его шхуна с горсточкой отчаянных головорезов, которые никогда не заглядывали в будущее дальше чем на два ближайших часа, причинила в водах Средиземного и соседних морей такой ущерб купеческим судам, что за поимку корсара Бернардито одновременно взялись английские, французские, испанские и турецкие власти, не считая частных мореходных компаний и одиночных морских охотников за призами.

От всех своих многочисленных преследователей, которые, несомненно, изловили бы смелого пирата, если бы могли действовать согласно друг с другом, Бернардито ловко ускользал и теперь, проскочив под самым носом шаривших рядом военных судов, вел свою шхуну в дальний индийский рейс.

Но в этот раз боги удачи, казалось, лишили одноглазого капитана своих милостей. Еще перед началом рей-

са он впервые за свою богатую событиями жизнь обнаружил на судне заговор против себя. Кто-то действовал среди команды осторожно и настойчиво. Обезвредив заговорщиков, капитан потерял самого преданного матроса — Фернандо Диаса. Бернардито догадывался, что тайной пружиной неудавшегося заговора был не кто иной, как его помощник Леопард Грелли, человек, принятый на борт «Черной стрелы» года три назад. Теперь, пользуясь болезнью капитана, Джакомо Грелли, по-видимому, выжидал только удобного случая, чтобы самому стать главарем шайки и капитаном «Стрелы».

Очнувшись в своей каюте от тяжелого забытья, Бернардито приподнялся на локте. В каюте никого не было. За окном виднелась лишь спина матроса у штурвального колеса.

Бернардито нажал кнопку в стене. Из открывшегося тайничка он вынул кожаный мешок и выложил на одеяло более двух десятков замшевых футляров с драгоценными камнями. Пересчитав их, он убрал камни в мешок, закрыл тайник и позвал своего слугу. Никто не откликнулся.

— Грязные каналы! — пробормотал Бернардито сквозь зубы. — Педро! Где ты, Педро, сын свиньи и монаха! Ну погоди, я научу тебя орать «сакраменто»!

Но и великан Педро, телохранитель и слуга капитана, торчал на палубе, сияясь разглядеть подробности сражения. Штурвальный тоже следил не за курсом, а глазел в сторону.

— Я приучу вас к порядку на корабле! — со злобой произнес Бернардито.

Он дотянулся до пистолета, висевшего у него в изголовье, и, не целясь, сбил выстрелом плетеный соломенный щиток с головы штурвального. На звук выстрела в каюту вбежал Леопард Грелли. Вместе с Педро он помог Одноглазому выбраться из каюты и подняться на мостик.

Выбравшись, капитан подкрепил себя глотком неразведенного ямайского рома и взял у Грелли трубу. От его единственного, но зоркого глаза не ускользнула ни одна подробность. События развернувшегося вдали боя,

еще не понятые всей остальной командой, были им быстро разгаданы. Он догадался, что суда, замыкавшие англо-голландский караван, подверглись внезапному нападению двух вражеских — очевидно, французских или испанских — корветов, подкравшихся к ним под покровом низких предгрозовых туч.

Однако пушки сторожевых судов каравана успели открыть огонь и поджечь один из нападавших корветов. В завязавшейся затем артиллерийской дуэли запылали и два купеческих судна. Наконец уцелевшему корвету противника удалось все же отрезать от каравана одну английскую бригантину, которой пришлось изменить курс и спастись бегством. Двигалась она как раз навстречу пиратской шхуне.

Потрепанный корвет, выйдя из боя, пустился преследовать добычу, но потерял скорость из-за поврежденных парусов. Когда мертвый предгрозовой штиль остановил оба судна, бригантина оказалась чуть ли не под боком у «Черной стрелы», но корвет далеко отстал от своей жертвы.

— Каррамба! Провалаясь я еще час — и добыча, которая сама идет нам в руки, была бы потеряна! — заорал Бернардито. — Где были твои глаза, Грелли? Чего ждет чертов боцман, помесь старой обезьяны с кашалотом! Эй, люди! Спустить обе шлюпки! Посадить в каждую по двенадцать чертей — через полчаса они должны быть на бригантине. Грелли и Акула поведут эти шлюпки в бой. Остальным — убрать паруса и хорошенько закрепить пушки на палубе! Близится шторм, сто залпов боцману в поясницу! Торопитесь, дети горя!

Через несколько минут две шлюпки с вооруженными до зубов пиратами отвалили от шхуны и полетели к бригантине.

В это время Бернардито разглядел в трубу, что на корвете тоже спускают на воду три шлюпки. Очевидно, и капитан корвета решил атаковать бригантину. Но преимущество было на стороне людей Бернардито. Шлюпки «Черной стрелы», следуя в кильватере друг другу, уже прошли половину расстояния до бригантины.

Предгрозовой штиль, ровно катящиеся валы океанской мертвой зыби и далекое зарево, светившее нападающим, благоприятствовали атаке. Между тем шлюпки корвета еще только отвалили от борта своего корабля.

На бригантине, носившей имя «Офейра», заметили опасность, надвигавшуюся сразу с двух сторон. Две небольшие пушки, носовая и кормовая, составляли все вооружение этого корабля, пустившегося в далекое плавание под надежным конвоем. Когда шлюпка Грелли приблизилась к бригантине на один кабельтов, грянул орудийный выстрел, и чугунное ядро зарылось в воду позади шлюпки.

Грелли повернул к центру правого борта судна, а боцман Боб Акула приготовился атаковать бригантину слева. Обе шлюпки оказались вне обстрела корабельных пушек; залп из ружей и пистолетов, произведенный защитниками бригантин, убил одного и ранил двух матросов Леопарда Грелли. У самого Леопарда пулей сорвало шляпу.

Вот и борт корабля! Абордажные крючья вонзились в дерево обшивки. По свисающим снастям порванного в бою такелажа¹ пираты Грелли мигом очутились на палубе. В то же мгновение через левый фальшборт, орудуя крючьями и веревочными лестницами, на «Офейру» ворвалась шайка Боба Акулы. В короткой схватке первыми пали капитан и другие офицеры «Офейры». Команда, лишившись начальников, разбежалась под натиском свирепых головорезов. Матросы искали спасения в тайниках судна, ломались в запертые двери, падали под выстрелами и ударами ножей.

Тем временем три шлюпки с корвета приближались к захваченному пиратами судну. Робкий рассвет уже позволял различить, что их командир одет в форму французского офицера.

Грелли, стоя на мостике «Офейры», готовил пиратов к новому бою. По его приказанию они перетащили обе пушки на правый борт бригантин и зарядили их картечью. Когда ближайшая шлюпка французов подошла

---

¹ *Такелаж* — совокупность всех снастей, служащих для управления парусами.

на полкабельтова, не ожидая встретить бортового пушечного огня, грянул залп, точно накрывший цель. Шлюпка мгновенно затонула. Повторный залп произвел страшное опустошение на второй шлюпке: стоявший на корме офицер и половина матросов были убиты.

Экипажу третьей шлюпки осталось лишь подобрать из воды раненых товарищей и отступить под градом ружейных и пистолетных пуль, которыми пираты осыпали французов.

Грелли и боцман с пистолетами в руках преградили своим матросам доступ к дверям кают и салона: нужно было сначала отбуксировать «Офейру» к шхуне, так как французы — противник, несомненно, более сильный, чем кучка пиратов, овладевших бригантиной, — могли возобновить нападение. Но буксировать бригантину с помощью шлюпок уже не было нужды: подувший утренний ветер принес первые капли грозового ливня и вместе с тем наполнил паруса бригантины. Матросы бросились к реям, сам Грелли взялся за штурвал, наступив на спину убитому штурвальному. Через четверть часа бригантина под торжествующие крики пиратов, забывших и о корвете, и о надвигающейся грозе, была пришвартована к грязному борту «Черной стрелы».

Морские разбойники, отбросив все предосторожности, ринулись с топорами к трюмам и каютам захваченного корабля...

Кают на бригантине было две: небольшая верхняя, рядом с помещением капитана, и просторная нижняя, расположенная в соседстве с маленьким, уютно обставленным салоном. «Офейра», очевидно, была оборудована для богатых пассажиров.

В верхней каюте, взломанной Бобом Акулой, не оказалось никого, зато нашлось много дорогой посуды, объемистых чемоданов и мужского платья. В помещении салона пираты нашли только четырех раненых матросов-индусов, которые тут же и были добиты.

Но когда Грелли, Рыжий Пью и Джекоб Скелет уда-рами топоров высадили дверь нижней каюты, из глуби-

ны ее грянул пистолетный выстрел. Пуля, оцарапав плечо Грелли, угодила в грудь Джекобу Скелету. Загораживая вход, он ничком свалился внутрь каюты.

Грелли выстрелил из двух пистолетов сразу и, переступив через труп, бросился в глубину каюты, наполнившейся едким пороховым дымом.

Навстречу пирату шагнул небольшого роста старик в завитом парике и старомодном камзоле с кружевным жабо и широкими брабантскими¹ манжетами. Старик отбросил дымящийся пистолет и, выхватив из ножен шпагу, направил ее в грудь пирату. Грелли был бы неминуемо проколот насквозь, если бы Рыжий Пью с порога каюты не разрядил своего тяжелого пистолета в голову старика. Старый джентльмен рухнул на пол. Подхватив его шпагу, Грелли отдернул ею парчовую занавеску, отделявшую заднюю часть каюты, и... замер в изумлении: на кружевном покрывале постели лежала без чувств красивая молодая девушка. Препраждая доступ к ее ложу, у постели стоял высокий молодой человек с орлиным носом и короткими бачками у висков. Он спокойно поднял пистолет и спустил курок, но выстрела не последовало. Оружие дало осечку, и это снова спасло Грелли жизнь.

Ударом шпаги Грелли пронзил молодому джентльмену плечо. Тот, отступив на шаг, сохранил равновесие и, схватив отказавший пистолет за ствол, нанес пирату сильный удар рукоятью по голове. Грелли пошатнулся и упал на руки подоспевшим ему на помощь разбойникам «Черной стрелы».

— Ради бога, прекратите сопротивление, мистер Райленд, — раздался голос, исходивший, казалось, из-под кровати. И действительно, под складками полога, у ног высокого защитника юной леди, показалась голова пожилого лысого толстяка, нашедшего прибежище под кроватью, к великому удивлению не только пиратов, но и са-

---

¹ *Брабант* — в XVIII веке провинция в Нидерландах; славился производством ручных кружев; изделия брабантских кружевниц ценятся и поныне.

мого молодого джентльмена. — Умоляю вас, прекратите бесполезное сражение, дражайший сэра Фредрик!

— Ваше поведение недостойно джентльмена, мистер Томас Мортон! — гневно крикнул молодой человек, названный сэром Фредриком Райлендом.

Из плеча его сочилась кровь, но он выхватил шпагу и бросился на пиратов. Однако Грелли успел уже оправиться. Кто-то сунул ему в руку заряженный пистолет. Выстрел сотряс стены каюты. Грелли увидел, как лицо джентльмена побелело и как он упал под ноги пиратам. Полдюжины подручных Леопарда, топчя тело упавшего, кинулись к бесчувственной девушке, мгновенно завернули ее в одеяло и потащили в каюту Грелли на «Черной стреле». Туда же пираты поволокли насмерть перепуганного лысого толстяка... Грелли, шатаясь, вышел вслед за пиратами. На мокрой палубе он ухватился за леерную стойку и оглядел горизонт. С севера надвигалась черная стена урагана. Ветер уже рвал снасти, и страшный ливень низвергался на крыши палубных надстроек бригантини. Швартовы удерживали ее у борта пиратской шхуны. Со шхуны на бригантину был уже перекинут узкий трапик.

В море, всего на расстоянии мили, виднелся французский корвет. На нем спешно убирали последние паруса...

* * *

...К джентльмену с подозрительной трубкой, стоявшему на вершине утеса в бухте Старого Короля, снова подошел его слуга. Пораженный странным выражением лица своего хозяина, грум не сразу решился окликнуть его. Наконец он заговорил тихо и почтительно. Джентльмен вздрогнул и обернулся к юноше.

— Это ты, Антони? — пробормотал он, словно пробудившись от сна. Усилием воли он вернул себя от воспоминаний к действительности.

— Сэр Фредрик Райленд, — обратился к нему грум, — дома вас давно ожидают к завтраку. Вы собирались нынче посетить верфь мистера Паттерсона. Лошади оседланы, милорд...